

Сергей Лысов в спектакле «Космос»
(режиссер Дмитрий Акимов). Фото Кирилла Ботаева

Кайф в недостижимости

Заслуженному артисту России Антону Киркову исполнилось 50 лет

текст **Елизавета ГУНДАРИНА**

НЕМАЯ СЦЕНА

Антон, вы родились в театральной семье, было ощущение принадлежности к особому миру?

Никаких особых ощущений по этому поводу я не испытывал. Мне казалось, что все дети ездят на гастроли, ходят на репетиции — это было нормально. Ты идешь на репетицию, где папа работает, а ты в гримерке дурака валяешь — обычное детство.

Уже в школе учителя, конечно, говорили многозначительно: «А, он из этих (а мы жили в актерском общении) — ну, понятно». Что значит «из этих»? Мол, что-то со мной не в порядке, а что именно, я не понимал. Понятно, из-за того, что я ездил с родителями по гастролям, я не бывал в пионерском лагере, пропускал школьные «отработки» или ходил не со своей сменой. И все равно не чувствовал себя особенным. То, что отец заставлял меня учить стихи? Я думал, у всех так. Он же и ремнем, бывало, меня прикладывал.

За что?

За разное. Я, например, начал курить в шесть лет. И за это получил так хорошо, что бросил лет на десять.

Строгие были родители?

Не то что строгие. Всегда была у меня свобода — свобода выбора. Не то, чтобы я творил что-то беспредельное,

но родители очень прислушивались ко мне. Это была контролируемая свобода. Естественно, они направляли, но, если мне сильно что-то не нравилось, никто меня не заставлял. Вот я любил рисовать, мне захотелось, и я сам пошел в художественную школу. И чуть не стал архитектором, между прочим, если бы не вот это вот (разводит руками в гримерке).

В общем, вопрос выбора профессии не стоял?

Как все, я всегда хотел быть космонавтом, шофером-дальнобойщиком и просто ковбоем. Но больше всего я хотел быть путешественником. В нашем детстве же не было ни мультфильмов, ни гаджетов. Были только книги, книги и твоя фантазия.

Какие книги, помните?

Конечно, помню. Мне всегда нравились приключения про освоение Дикого Запада, про индейцев — вся эта романтика. «Сыновья большой медведицы» Лизелотты Вельскопф-Генрих, книги О. Генри, Джеймса Олдриджа. Сейчас их вообще никто не читает.

А в артисты пошел по стопам отца?

Ничего такого высокого и могучего в моем желании стать артистом не было. Если честно, я вообще не хотел быть артистом. Почему пошел? Не ради прикола, конечно, но артисты казались мне самыми веселыми, взрывными и заводными ребятами в мире, и мне очень хотелось быть таким же.

Антон в детстве с отцом Анатолием Кирковым.
Фото из семейного архива

В детстве приходилось выходить на сцену?

Первый опыт на сцене был очень травматичным, мне было лет 5–6. Нас, актерских детей, иногда занимали в спектаклях. Один раз меня тоже выпустили на сцену, и все — Антон приплыл. «Сердце матери», серьезный спектакль, и у меня такой ступор, что я ни слова не мог сказать. Кстати, все это произошло на этой самой сцене (сцене краевого театра драмы, где Антон работает с 2006 года. — Е. Г.) Получается, здесь я родился, вырос и, видимо, тут и закончу. Но тогда мне казалось, что сцена — не мое.

А КТО ЭТО ТУТ ХОДИТ?

Тем не менее вы поступили на актерский курс в Барнаулское музучилище. Что это был за курс?

Актерского факультета в институте не было, долго добивались его создания, согласовывали. В музучилище был самый первый актерский курс. Со мной поступил всем известный Александр Лопатюк — у него сейчас свой театр. Как обычно, до конца курса дошло меньше половины. Многие просто ушли из профессии — по семейным обстоятельствам, по денежным соображениям или не покатило, грубо говоря.

Эйлиф с Константином Кольцовым (Вербовщик). Спектакль «Мамаша Кураж и ее дети» (режиссер Роман Феодори)

Антон Кирков

родился 8 марта 1973 года в Барнауле в семье артиста Анатолия Киркова и художника по свету Нины Кирковой. Окончил Барнаулское музыкальное училище по специальности «актер драматического театра» в 1992 году (курс В.И. Шабалина и Г.В. Старкова). После окончания работал в Алтайском театре кукол «Сказка», Маленьком музыкальном театре (Барнаул), Барнаулском муниципальном театре «Подвал», Бийском драматическом театре. В 1995–2006 — артист Алтайского государственного театра для детей и молодежи (сейчас — МТА). В настоящее время служит в краевом театре драмы, на его счету почти 60 образов русской и мировой литературы: Треплев («Чайка»), Андрей Прозоров («Три сестры»), Гильденстерн («Гамлет»), Петруччо («Укрощение строптивой»), Яго («Отелло»), Деметрий («Сон в летнюю ночь»), Эйлиф («Мамаша Кураж и ее дети»), Макмэрфи («Пролетая над гнездом кукушки»), Томский («Пиковая дама»), Обольянинов («Зойкина квартира»), Глумов («На всякого мудреца довольно простоты») и многие другие. Сегодня он выходит на сцену АКТД в 20 спектаклях в ролях Свирида Голохвастова (комедия «За двумя зайцами»), пьяницы-философа Пашкина («Два ангела, четыре человека»), героя-космонавта, бывшего школьного «лошка» Сергея Лысова («Космос»), лиричного шофера Сергея Духанина («И разыгрались же кони в поле...» по рассказам В. Шукшина), благородного вора Валерия Дунченко («Интуиция»), провинциального мечтателя Городничего («Ревизор»), интеллигента-демагога Аристарха Доминиковича Гранд-Скубика («Самоубийца») и др.

Лауреат премии Алтайского отделения СТД имени народного артиста РФ Дементия Паротикова. В 2021 году получил звание заслуженного артиста России.

**Профессор в постановке «Генералы песчаных карьеров»
(режиссер Юрий Ядровский)**

Вы не сразу стали актером театра драмы, работали и в «куклах», и в музыкальном театре. Искали свое или дожидались вакансии?

— Ничего я нигде не дожидался, определенной цели не было, все шло само собой. Тут ведь как повезет. Мне повезло.

В чем?

В том, что заметили в определенный момент. Где-то увидел режиссер, где-то сложились обстоятельства, была интересная работа, самому было интересно. Моих заслуг в том не было.

А с молодежным театром как сложилось?

Сам пришел. Сначала, естественно, пару лет ходил в «молодых артистах» — были детские сказки, «кушать подано». Потом в МТА приехал режиссер и сказал, указав на меня пальцем: «Вот этот вот будет у меня играть». Это был Сергей Красноперцев, который поставил «Маленькие трагедии». Он же сподвиг меня на поступление в ГИТИС. И вроде я нормально показался, все туры прошел, но так тоскливо стало, что вернулся домой. Тем более что в театре ждала такая роль — Дон Гуан, ни больше ни меньше. И сразу «бум!»: «А кто это у нас ходит тут — он же умеет играть». И пошло дело: Труффальдино всякие, главная, еще раз главная и еще. Перескочил резко с «кушать подано». И началось: ну, понятно, Антон, ты же главную роль играешь. Меня, конечно, бесило такое отношение. Да не я же это! Да не хочу я играть главную роль. Я хочу играть маленькую эпизодическую роль. Но сделать ее от А до Я, и это будет здорово. Не надо из меня делать дурацкого фанфарона — я не такой, я обычный человек.

Все складывалось, как вы говорите, само собой. А когда пришло осознание себя в профессии?

Не знаю, для меня это как жизнь. Настолько это близко и здесь (прикладывает руку к сердцу). Не то что я суперактер актерыч, но для меня театр — это естественно. И жизнь наша такая же: ты все время что-то играешь, а тут еще и деньги за это платят.

После молодежного театра, в 33 года, вы пришли во взрослый краевой театр драмы. Выросли или что?

Молодежный не был детским театром. Когда я переходил, драма и МТА очень сильно соперничали. Я перешел, потому что пригласил Владимир Золотарь (главный режиссер краевого театра драмы в 2002–2008 годы. — Е. Г.). Конечно, не хотелось... хотя нет, на самом деле очень хотелось. Команда у Володи подобралась шикарная. И я с превеликим удовольствием перебежал сюда.

Какое-то время работал параллельно, доигрывал роли. В это время как раз шел спектакль «На дне» Алексея Песегова. Удивительный человек, а спектакль был — ну просто!.. А у Золотаря первая роль — Костя Треплев в «Чайке». А потом уже Яго в «Отелло» — жаль, недолго шел, неплохой был спектакль. После «Отелло» я перешел в театр драмы окончательно и бесповоротно.

Везло ли вам на режиссеров?

Да, не жалуюсь. Никакого пресловутого засилья я не испытывал. Я отношусь к этому по-другому: не берут, значит, так надо, и слава Богу. Я не страдаю по поводу того, что чего-то там не случается. Не сыграл Гамлета? Я и не хочу его играть. Всему свое время. Каждому что назначено, то и будет.

Что цените больше всего в режиссере?

Скорее всего, честность.

НАБЛЮДАТЕЛЬ И РАССКАЗЧИК

Вы же не на пустое место пришли, а практически в семью, где уже работали папа и мама.

Ну и что, это не имело значения. Во всяком случае, не мешало. Родители давали мне свободу полную: «Антоша, как хочешь так и живи, у тебя здесь есть, здесь — и делай как знаешь. Если будет плохо, приходи». Мы и играли вместе с отцом в «Укрощении строптивой», в «Чайке», да много где.

Он делал замечания?

Делал. В семейном кругу у нас постоянно случались перепалки на эту тему, и это не для озвучки (смеется). Я только отшучивался: «Папа, что вы мне делаете голову, посмотрите на себя» (смешно копирует одесский говор). Но никаких уроков он мне не давал. Я сам всегда хотел быть на него похожим.

В чем?

Просто потому что он отец.

К вопросу об оценках: вы предпочитаете комплимент или критику?

Прям хочу, чтоб критиковали. Compliments — это приятно и понятно. Но зачем? Ты сам все о себе знаешь, несмотря ни на какие похвалы. А вот когда человек со стороны — коллега, друг, критик — скажет: «Слушай, что-то ты тут...» Премьера никогда не проходит на ура. И каждый артист чувствует, если что-то не то. Достичь совершенства ты не можешь — в этом фишка и кайф актерской работы. В его недостижимости. В этой профессии ты и живешь в процессе достижения. В отношении критики я открыт, и желательно, чтоб побольше критиковали. Всегда должна быть честность.

А можете объяснить, как артисты понимают, получилось или нет?

Это можно только почувствовать. Для меня роль — это как, может быть, знакомство с женщиной. Не очень просто все. Ты не просто учишь текст, ты на некоторое время отдаляешься, погружаешься в другое. Семья, жена могут даже заревновать к тому, чем ты занят. И поэтому ты чувствуешь — сегодня получилось, а вот сегодня — нет.

У вас много главных ролей, и столько же не главных. Почему Яго, а не Отелло, Андерс, а не Войцек, Гильденстерн, а не Гамлет, Кристиан, а не Сирано, Актер, а не Сатин?

Я не задумывался над этим. Но мне всегда интересней играть не принца, а друга принца. Не то что я люблю играть злодеев... Но друг главного героя — даже, если это маленькая эпизодическая роль, в ней можно все отточить. Или тащить на себе весь спектакль в роли, про которую зрители только и думают: да когда он уже закончит и уйдет со сцены?

Положительный или отрицательный персонаж?

Персонаж, где есть что поиграть. Нет в театре однозначности, как и в жизни. Любой отрицательный персонаж окажется положительным, если сильно покопать, оправдать можно все, что угодно. И наоборот, найти какую-то червоточинку в положительном. Будет интересней, образ будет объемным, не прилизанным и не причесанным.

Кто вы на сцене, какая ваша тема?

Не знаю, возможно, я перекладываю с себя ответственность, но полагаю, что я наблюдатель и в некотором роде рассказчик. Так для себя пока это определил. Не то, что я хочу проповедовать и учить, как надо жить и поступать, нет — этого я делать не хочу ни в коем случае. Но в любом случае все зависит от режиссера. Актер без режиссера ничто. Также как и режиссер без актера. Поэтому и считаю, что между ними должна быть честность. И, естественно, интерес обоюдострый.

Какая сейчас роль прямо ваша-ваша?

Нет такой роли, каждая роль — кусок жизни. Твоя роль и то, что происходило, когда ты ее делал, вы были вместе это время.

Егор Глумов в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» (режиссер Владимир Золотарь).

С Татьяной Королевой (Клеопатра Мамаева).

Фото Андрея Луковского

Хотелось уйти из профессии?

Конечно.

Были конкретные планы?

Без планов — просто осточертело. Критические моменты были. Но, как ни странно, в такие моменты сцена и выручала.

А видите себя в чем-то другом?

Почему нет, мог бы быть столяром.

Что для вас театр?

Возможность высказаться, может быть. Не прямым текстом, так сказать я не осмелюсь, а текстом персонажа передать то, что хочешь. Возможность поделиться.

Получается?

Угу. Не всегда это может быть понятно, но в театре это сделать намного легче. Это не то что чистилище, но место, где можно свою душу — раз, и отпустить.

Твои родители, семья твоей сестры, твои семьи... Почему артистов так тянет друг к другу?

Да чтобы просто не сойти с ума. Среда — это естественно. Про родственные души глупость, конечно. Но дело в том, что мы можем без всяких допингов вместе смеяться над одним и тем же. А без чувства юмора артисту нельзя, можно послезавтра пойти повеситься. Зачем? Мы же представляем, рассказываем историю.

Недавно у вас родились два сына. Похоже, что династия продолжится?

Как скажешь — всего полтора года и четыре месяца им. Загадывать рано, но я не буду настаивать ни на чем. Буду, как мои родители: что дети выберут, то и хорошо. Но не исключаю, что все станут артистами.

Когда вы бываете счастливы?

Практически каждый день, раз через раз. Укачиваю ребенка — счастлив: лежит, улыбается. Иду по улице, морозный воздух вдыхаю — счастлив. Когда на сцене получается — вообще счастье. Это такой щедрый бонус от жизни, что ты имеешь право выходить на сцену. Не то что повезло, а то, что, как кошка, живешь девять жизней. Большое счастье, так что грех жаловаться. ■

